

Святослав Марковец

ПЕРВЫЙ ПОХОД

Отрывок из романа «Рождение войны»

Укрепление стен камнем завершилось. Тысяча воинов с лучами были подготовлены. Полторы тысячи кольчуг — сплетены. Навийцы были озлоблены на астартцев, как никогда до этого: даже Израд не представлял подобной пропасти между людьми. Приготовления к походу завершались.

Трижды за последние полтора года направитель Нави посылал к Яхонту своего глашатая с предложением слиться единым целым под его опекой, но всякий раз слышал от Гория по возвращении одно и то же: «Они не склонятся».

Яхонта настораживали эти предложения. Он полагал, что Навь ни перед чем не остановится, лишь бы собрать осколки человечества под волей палача. С каждым новым приездом Гория астартцы все меньше рассчитывали на спокойствие и все скорее приготавливались к новому кровопролитию, какого до сих пор еще не видел свет.

Астарта оцетинилась. Город надеялся на созидательную жизнь, но ожидал удара. Яхонт с волхвами позабыли, что воплощается лишь то, к чему ведут приготовления. Ров до краев бурлил водой, острые колья на солнце черствели, на стенах с вышками всегда стояли воины, точились «иглы», «жала», ковались панцири и заготавливались камни. За три версты во все стороны света от Астарты не было больше ни одного бульжника — все утащили в город.

Яхонт боялся, что навийцы могут поступить с Астартой, как с поселением Искория. Навийцы — нелюди! Люди себя, как они, не ведут.

Израд боялся, что Яхонт разрушит Навь и сотрет в пыль людскую жажду свободы и счастья. Астартцы — нелюди! Люди не могут заблуждаться, как они.

Мир затаился.

Затаился и сын Ациса и Эхо — Израд. Кроме мыслей о том, как положить конец астартским заблуждениям, он ломал голову над

тем, как наградить несколько тысяч человек, когда они, одержав верх, вернутся в Навь. Жители Нави не смогут кормить такое многочисленное воинство. Его необходимо будет распустить, но перед тем порадовать чем-то значительным... Пусть раздерут Астарту на куски! Каждый сможет забрать себе все, что только сумеет унести. Но этого не хватит для почтения воинской славы... Пускай тогда неволят всех, кто им приглянется: женщин для забавы, а мужчин для труда. Но ведь этого тоже недостаточно... Надо бы одарить воинов чем-то памятным: каким-то знаком, который будет вызывать к гордости и преданности Нави. Пусть это будет кованая безделушка, но с превеликим замыслом, вложенным в нее. Пусть она разжигает в людях гнев к тем, к кому родина неблагосклонна, любовь к тем, кто, по ее мнению, любви достоин, и постоянное стремление к новым военным деяниям во имя нее.

Навийский направитель снова ждал собрание совета.

Наконец все советники пришли в колонный зал.

Израд сказал им, что для наивысшего расцвета Нави нужно обязательно добавить в «Свод правил человеческой природы» новый закон — закон о преемственности власти в свободном городе. Со слов Израда, он обеспечит городу непрестанный порядок и развитие, если тот будет пребывать под направлением его прямых потомков. Согласно новому закону, следующим направителем Нави должен будет стать Ириид: не только потому, что он сын нынешнего направителя, но и по той причине, что, со слов отца, он перенял все его навыки и мудрость направления.

— Сама божия Мать его благословила, — завершил Израд. — От каждого же из вас требуется подписаться под этим законом, тем пообещав Ирииду помощь и поддержку.

Собрание быстро одобрило новый закон: искренне или нет — уже другое дело. И лишь Релирий отказался под ним подписаться, дав понять направителю с советниками, что, пусть Ириид и не уступит своему отцу в мудрости и таланте, но неизвестно, сколь будут способны к направлению уже его потомки, которых, может, к слову, оказаться несколько или ни одного.

Израд нахмурился. По его мнению, Релирий снова зарился на его место, хотя сам волхв об этом и не думал, ибо имел и безо всяких званий в Нави больше уважения, чем кто-либо еще, и потому просто пытался рассуждать о благе города. Но направителю было

виднее, что необходимо для блага навийцев: от несогласия с этим он свирепел, но свирепел беззвучно и не подавая виду.

Под дополнением для «Свода правил человеческой природы» подписались все, кроме Релирия. Израд смерил его взглядом полным неодобрения, после чего закрыл собрание и попросил остаться только двух советников — преданных войсководцев: Явора и безупречно подготовленного им Фарита. У направителя не было никого надежнее этих двоих. Он взял с них слово, что они любыми средствами поддержат Ирииду, когда однажды он лишится своего отца. Явор с Фаритом принесли страшные обещания, что не позволят никому занять власть в Нави, кроме сына Израда и Благих.

Когда Израд убедился в верности войсководцев, а значит, и в преданности всего воинства, он отпустил первого из них, а со вторым остался с глазу на глаз.

Громко ударили закрывшиеся двери.

— Фарит, я знаю, как ты любишь Ладу, — начал направитель. — Я вижу, как чиста твоя любовь к ней. Жаль, Яхонт слеп, чтобы увидеть очевидное. Для меня было бы великой радостью иметь в зятях такого благодетельного человека. Я понимаю, как твое сердце тоскует без нее. Я пережил двух своих жен, так что, поверь, я много знаю о сердечной боли... Ты мог бы взять в жены любую из красавиц Нави. Каждая женщина была бы рада выйти за тебя. Но, несмотря на все соблазны и перипетии, ты остался верен Ладе и самому себе, и за это я тебя еще сильнее уважаю. Я горжусь тем, что мне помогает такой воин. Благодаря тебе я не боюсь оставить Ирииду Навь, ибо я знаю, что ты себя не пощадишь, но защитишь наш город от любой напасти. Как же мне хочется достойно одарить тебя. Я уже дал тебе большое звание, высокий дом и личную признательность, но разве этого достаточно, чтобы воздать тебе должное! Я помню о твоём страстном желании. Я всегда жаждал помочь тебе. И, наконец, я в силах это сделать. Скоро наше войско пойдет на Астарту. Я знаю, что это значит для каждого из нас, и знаю, что это значит именно для тебя. Ты получишь Ладу. Вы будете с ней жить долго и счастливо. Как же я рад, что наконец-то вы соединитесь. Но будь готов, Фарит, что спасти Ладу будет нелегко. Она — последнее, что Яхонт попытается оставить без защиты.

— И все равно я заберу ее! — гневно сказал Фарит, готовый хоть сейчас к кровопролитию.

— При жизни Яхонт не позволит тебе этого.

— Тогда я убью его! Я убью каждого астартца, который попытается встать на моем пути.

Именно это Израд и ждал услышать.

Младшая дочка Яхонта, сама того не ведая, склонит к его ногам могучую Астарту.

Теперь осталось разобраться с тем, как быть с Релирием. Этот волхв слишком много стал о себе думать. Он ненадежен, но он уважаем — это очень плохо. Если он не согласится признать над собой верховенство Ириида, его не признают и остальные. Если он этого не сделает, может начаться смута. Нужно срочно решить, как избежать этого, если Израд домой не возвратится, и астартцы будут рьяно защищаться — тогда навийские войска серьезно поредеют.

Релирий должен подписаться под новым законом!

Направитель несколько дней упрашивал его, однако волхв остался непреклонен.

Однажды поздним вечером они сидели в доме у Релирия и разговаривали приглушенными голосами. Сын Ациса и Эхо говорил намного тише, чем обыкновенно, словно бы не хотел, чтоб о его присутствии здесь знали. В очередной раз он пытался оказать влияние на мнение волхва, но, как и прежде, у него это не получилось. Тогда он встал из-за стола и пошел к двери. Но, оказавшись за спиной советника, резким движением накинул на его горло веревку и начал душить.

Лицо Релирия перекошилось от боли и ужаса.

Он попытался оттянуть веревку от сдавленной шеи, но ее челюсти не расцеплялись.

«Сильней! Сильней! — подгоняли сына Ациса и Эхо голоса. — Это тебе не Плата!»

И они были правы.

Релирий начал бить Израда локтями по ребрам. Тот скалился от боли, но терпел. Тогда волхв неожиданно резко подался на обидчика — повалил его и сам свалился тоже. Израд ударился об пол головой, хватка его ослабилась, противник высвободился и тяжело дыша, поднялся на ноги. Направитель, не задерживаясь, тоже подскочил: сейчас в доме волхва решалась судьба Нави и будущее всего людского рода — их нельзя было так просто уступить.

У обоих в головах звучали одни и те же побуждения: «Давай! Убей его! Он все погубит!» Война, как и всегда, благоволила более бесчеловечному.

Едва Израд поднялся, как Релирий на него обрушил весь свой гнев. Огромные тяжеловесные ручищи глубоко пронзали болью тело направителя. Израд пытался отражать удары, но у него после падения сильно болела голова, и потому это с трудом удавалось. В один момент Релирий, рыча, как собака, схватил его за шею и прижал к стене, и это стало роковым решением: противник выхватил из-за пояса нож и много раз вонзил его в тело несчастного волхва.

Тот моментально ослабел и, отшатнувшись, тяжело осел.

Израд толкнул его, и волхв свалился.

— С Платой было менее хлопотно, — сказал сын Ациса и Эхо, подходя к нему.

Глаза волхва налились горькими слезами.

Под ним из многочисленных дыр быстро расширялась липкая ржавая лужа.

— Но, чтоб ты знал, я до сих пор еще порой плачу по ней, — добавил направитель. — А по тебе не буду.

Он перерезал волхву горло и быстро ушел, стараясь не заляпаться в крови и не оставить никаких следов, словно его сегодня здесь и не бывало. Никто не видел ничего и ничего не слышал. Свободный город наблюдал уже не первый сон.

На следующий день волхва нашли соседи, которых потревожила распахнутая в его дом дверь.

Израд немедленно придумал виноватого.

Вечером он вышел перед людьми.

Ему не в первый раз было разыгрывать человеческое горе, хотя на этот раз он и вовсе не горевал.

— Сегодня ночью к нам проник лазутчик, хладнокровно заколовший нашего волхва — любимого и уважаемого каждым из нас Релирия, отца покойной Платы. Безжалостный убийца еще ночью был пойман, опрошен и наказан, но это не означает, что должны избежать наказания те, кто его послал. Астартцы и, в первую очередь, Яхонт — вот, кто стоит за этим преступлением. Они окрепли и теперь считают, что могут безнаказанно творить любое злобное деяние, но мы докажем им, что справедливость еще существует, ибо Навь чтит и бережет ее. Мудрость Релирия была безмерна,

пусть же теперь астартцы отплатят за нее безмерным количеством крови, — говорил Израд.

Жители Нави от детей ремесленников до советников доверчиво смотрели на него. И только Явор понимал, что же произошло на самом деле. На этот раз он не видел никаких следов, но на этот раз он прекрасно знал об опасениях и интересах направителя. Он и не думал осуждать его, хотя и знал, что весь сказ про лазутчика — заведомая ложь.

Израд и Явор вновь встретились взглядами.

И следопыт снова смолчал: точно так же, как возле тела Платы больше четырех лет назад, но совершенно из других соображений. Сын Ациса и Эхо взглядом потребовал от него выражения преданности. Явор в ответ, покорно голову склонивши, выразил ее.

Направитель продолжил:

— Сегодня ночью Навь была в опасности, и вне ее больше не будет никогда. Чтобы защититься, в городе необходимо ввести военное положение. — Толпа громко одобрила новое предложение, даже еще не услышав его. — Это значит, что на время противостояния с астартами, число надзорных и смотрителей будет удвоено, а по ночам даже утроено, чтоб ни один лазутчик более не смог проникнуть в Навь и натворить в ней бед. Кроме того, в темное время суток без моего личного разрешения вне собственных жилищ не должно находиться никому, кроме надзорных и смотрителей. Каждый вдруг появившийся на улице будет посчитан злоумышленником и задержан, после чего расспрошен, подвергнут суду и наказан в соответствии с определенной судом справедливой мерой...

Израд еще долгое время продолжал толковать об очередных защитных нововведениях.

Он бы не стал им уделять подобного внимания, если бы ночью сам не убедился в том, с какой необычайной простотой посреди многотысячного города можно совершить убийство. Он начал сильно беспокоиться за Ирииду, его женушку и самого себя.

В свободном городе свобода истончалась, а ослепленная обманом разъяренная толпа поддерживала это.

Еще одним нововведением во имя безопасности сделалось заявление Израда о том, что Совет Нави и люди, обладающие большим званием, по-прежнему смогут влиять на принимаемые в городе решения, но принимать сами эти решения без одобрения со

стороны направителя больше не будут. Израд твердо решил, что ради общего спокойствия и благоденствия станет держать власть в собственных руках.

— Ради счастья навийцев я готов взвалить на себя это бремя, — заявлял он.

А навийцы верили.

Направитель долго обвинял астартцев в разных преступлениях и еще дольше в подготовке новых. Он вспомнил все, что могло дать ему повод для обвинения, — даже деление земель, которое некогда сам затеял, дав понять навийцам, что астартцы не по справедливости тогда определяли, что должно быть их, а что навийским. Границы, которые должны были принести в обе стороны спокойствие, стали очередным поводом к кровопролитию.

Люди были разгневаны настолько, что уже сами рвались в поход на Астарту.

Осталось лишь великодушно их услышать и благословить, с чем Израд не замедлил.

— Мы объявляем Астарте Войну! — Кричал он. — Священную Войну! Месть за Релирия и отдаленное от нас с его кончиной счастье не может быть иной!.. Как только не останется больше заблудших душ, мы наконец-то обретем желаемое счастье! Истина восторжествует! Это справедливо! Это правильно! Мы заживем так, как не жили еще никогда! Венец Творения Войны наконец станет тем, каким был бесчисленное многолетие назад задуман! Священная Война преподнесет Нави неисчерпаемые блага: все мы станем несказанно богаты — все мы будем счастливы! Раньше природа властвовала, а теперь властвовать будем мы!.. Смерть и истязания астартцам! Мы — не такие, как они: никогда не были такими и не будем! Мы добры, а они злы! Мы мудры, а они невежественны! Мы слишком разные, и это хорошо! Но заблуждение, которое они несут, слишком опасно! Прольются реки крови, но в конце концов справедливость восторжествует! Мы освободим тех, кто обманут, и погубим тех, кто их обманывал! Они слабы, а мы сильны! За нами Истина! За нами боги! За нами Война! Этот союз несокрушим! Мы отправляемся на Астарту Войной! В Войне только Война одерживает верх! А мы — это она!.. Не бойтесь убивать противников! Не бойтесь умирать! Презрите жизнь и смерть! Если ваша смерть преподнесет навийским детям в будущем спокойствие, радость и

счастье — значит, вы умерли во имя лучшего, что может быть сделано человеком! Радуйтесь этому! Желайте этого! Будьте хладнокровны и уверены! Мы непременно одолеем зло, ведь наше дело правое! Трубите в рога, бейте в колокола и барабаны — радуйтесь! Скоро мы все будем счастливыми! Скоро обитель зла, Астарта, будет уничтожена! Да рассекут астартцев наши острые «жала»! Да продырявят их наши длинные «иглы»! Да изомнутся их тела под копытами наших коней! Да полетят их головы со стен их! Вперед за родину, божию Мать и Истину! Да начнется великая Война! Да начнется священная Война!

Три с половиной тысячи воинов были снаряжены.

Каждый из них озлоблен; каждый из них брызжет ненавистью к нелюдям-астартцам.

Две тысячи вел Явор, полторы — Фарит, и они оба подчинялись самому Израду.

Отряд, ходивший почти два года назад до Мория и к поселению Искория, был поделен на четыре части: первая встала во главе отрядов по полсотни воинов на помощь сотникам, вторая сделалась личной охранительной группой направителя, третья и четвертая — охранительными группами двух войсководцев.

Для преодоления астартских стен было задумано наделать лестниц; для пробития ворот использовать увесистые бревна. Заготовлением всего этого полагали озаботиться позднее — неподалеку от самой Астарты, чтоб не отягощать и без того значительную ношу воинов: около укреплений неприятеля они должны разбить их, а не падать от изнеможения. Они должны уверенно держаться на ногах, и чтобы ни у одного рука не дрогнула.

Сильные люди точили оружие, приготавливались убивать и ружить. Сильные люди ненавидели друг друга.

Накануне отправления в поход Израд подошел к сыну.

— Ириид, ты уже взрослый. Я научил тебя почти всему, что знал. Завтра я ухожу, чтоб принести тебе обещанное счастье. Пока я не вернусь, тебе придется самому заботиться о Нави. Навийский совет мудрых обещал, что будет помогать тебе. Если почувствуешь с их стороны злой умысел — смело и показательно наказывай. В мое отсутствие под твоей властью будут почти двенадцать тысяч человек. Будь им заботливым отцом, но кроме этого будь справедливым и, если необходимо, строгим, даже жестким. Когда-нибудь ты

превзойдешь меня. Ты будешь лучшим направителем... лучшим отцом. Я знаю, что отнюдь не всегда вел себя, как подобает любящему родителю. Прости меня...

— Я люблю тебя! Мы с тобой наверстаем все, что не успели. Скорее возвращайся... возвращайся, папа.

Ириид крепко прижался к своему отцу.

Израд обнял его в ответ и прослезился.

— Если возникнут сложности, пошли ко мне Гория — я передам тебе через него совет, если потребуется моя мудрость, и, если потребуется моя сила, приведу смертоносное воинство. Береги родину. Береги память обо мне и маме. Береги Эрато.

Израд поцеловал сына в лоб и обратился к его молоденькой золотокудрой женушке.

— Эрато, пусть твоя мудрость бережет моего сына от волнения, поспешности, ревности и излишнего гнева. Он без тебя не справится. Я знаю, о чем говорю. Он самый дорогой для меня человек. И я очень хочу, чтобы он жил долго и счастливо. Заботься о нем. Заботься о Нави. Заботься о себе. Ириид изменит мир. Но будут ли к добру эти изменения, зависит от тебя, твоей поддержки и твоей любви.

Израд поцеловал Эрато в лоб.

— Если вы сможете сберечь друг друга — вы сбережете человечество.

— Навь, папа, — поправил Израда сын. — Ты хотел сказать Навь?

Израд еще раз прослезился и с трудом выдавил из себя:

— Да...

Он отвернулся и оставил их.

На следующий день под пение голоса Смерти, удары колокола и бой барабанов он во главе трех с половиной тысяч воинов ушел по астартской тропе на северо-запад.

Взамен тропы осталась взрытая конями и тяжеловесными людьми земля, а взамен многих лиц воспоминания.

Никто не обернулся.

